

ВЕРА И ЧЕЛОВЕК В СВЕТЕ ОБНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИИ

Эпистемологизация веры, перенос этого понятия в рамки теории познания стали причиной того, что сама вера сегодня уже не является актуальным предметом исследования и предполагается онтологически несущественной. Ослабление герменевтических пластов в культуре современности вытесняет возможное содержание веры, предстающей в ряду модусов познания неким бессодержательным феноменом. Так, вера в эпистемологической перспективе современности предстает технической (т. е. вспомогательной) характеристикой, доопределяющей познание.

Соответствующие позитивистскому реализму классические схемы мировосприятия не предполагают собственно онтологическое рассмотрение веры. Вера в таком понимании оказывается радикально несамостоятельным образованием, инструментальным эпифеноменом, который в религиозном аспекте фиксирует образ Бога, а в гносеологическом – форму или ступень познания. Такая интерпретация приводит к тому, что анализ веры, а также производимые выводы оказываются существенно зависимыми либо от конфессиональной принадлежности, либо от понимания структуры, форм или генезиса познания.

Язык хранит вытесняемые из дискурсов смыслы, что отчетливо проявляется в контекстах значений глаголов, субстанциацией которых является понятие веры. Такая вера оказывается экзистенциально значимым феноменом, поскольку касается личного бытия. Конкретизирующие веру предикаты – предание, вверение, образование, становление, узнавание, интуиция, возвращение, воспоминание и пр. – это не просто особые модусы веры, но открытие онтологических состояний как самого понятия веры, так и человека. Онтологизация веры, ее перевод в плоскость человеческого бытия становится возможной и естественной благодаря таким понятиям, как «воля к жизни» (А. Шопенгауэр), «возвращение» (Ф. Ницше), «присутствие» (М. Хайдеггер), «Столп Истины» (П. А. Флоренский), «живое знание-бытие» (С. Л. Франк), «переживание единства» (Н. А. Бердяев), «приобщение» (Н. О. Лосский), «интеллигенция» (А. Ф. Лосев), «иррациональная интуиция» (Б. Д. Дандарон) и др. Другое смысловое измерение веры

лингвистически фиксируется отказом человека от императивности. Вера как слушание, вера как послушание, вера как служение предполагает способы организации понимания и действия, противоположные индивидуалистическому активизму и своеволию. Кроме того, онтологизация веры предполагает собственный жизненный мир личности, разрушая допущения классической эпистемологии, предполагающей исключение и редукцию веры как экзистенциально-онтологического феномена.

Неудовлетворенность абсолютизацией технических трактовок веры проявляется при актуализации проблемы истины бытия. Широкий спектр и несравнимость возможных интерпретаций «сопутствующих», «скрывающих» веру феноменов делают классический подход к вере слабоэвристичным. Вера может быть совершенно разной (в Бога, в светлое будущее, в свои силы), но онтология веры, поднимающая вопрос о ее сущности, оставляет в стороне все эти различия и концентрируется только на вере как она есть. Как справедливо отметил С. Н. Булгаков: «Каким бы именем мы ни называли веру, ее существо от этого не изменится: ЕСИ произносит только она» [1, с. 44]. «Еси» (есть) имеет важнейшее значение для решения вопроса о сущности веры и потому заслуживает более тщательного изучения в свете наиболее ценных онтологических подходов. Так, в начале XX в. П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев и С. Н. Булгаков рассматривают «еси» (есть) как связку (*copula*), как отношение между подлежащим и сказуемым, как универсальность, как мировую связь, видя в ней третью ипостась – Святой Дух. «Связка выражает способность вещей выходить из себя и быть в другом, а потому и выражаться чрез другое» [2, с. 108]. С метафизической точки зрения в связке *есть* скрывается существо религии, содержащее суммарную мысль о ней, поскольку *religio, religare* – связь, связывать, соединять. В религии устанавливается и переживается связь, связь человека с тем, что выше человека, связь с тем, что для человека дороже его собственной жизни. Религия всегда есть отношение человека к себе как к другому, второму, не-одному, не-единственному, но связанному, соединенному, соотносящемуся [1, с. 12]. Однако онтологически связка *есть* является осуществлением отношения, побуждающего жить, что можно сравнить с мыслью М. Хайдеггера: «Связь содержащего представление высказывания с вещью – это осуществление того *отношения*, которое дает толчок поведению и

каждый раз выступает как таковое» [7, с. 14]. Наличное бытие, обыденность обесценивают смысл, заложенный в слове «жить», поэтому здесь целесообразно уточнение: речь идет об осуществлении отношения, побуждающего жить по-человечески. Что же такое *жить по-человечески, быть человеком?* М. Хайдеггер называл это Dasein. Смысл понятия Dasein складывается из Da – тут, здесь и Sein – быть, *есть*. Совершенно справедливо можно сказать, что Dasein содержит связку *есть* – онтологический корень веры. Остановимся несколько подробнее на Dasein в связи с онтологией веры.

По словам М. Хайдеггера, путь к истине – постепенный, последовательный, «требующий свыкания» (адаптации), поскольку только когда «перемена касается бытия человека и происходит в основе его существа», это приведет к «устойчивому поведению» [6, с. 483]. Этот путь к истине, понимаемый М. Хайдеггером онтологически как процесс образования и есть существо веры, понимаемой нами в качестве осознанного процесса становления личного человека истинным. Бытийно понятая вера есть образование и преобразование личности, происходящее в процессе достижения человеком тех бытийный идеалов и ценностей, в которые он верит.

Исследуя проблему истины бытия вообще, М. Хайдеггер сосредоточил внимание именно на человеческом бытии как присутствию (Dasein). При первом упоминании о присутствии в своем фундаментальном труде «Бытие и время» М. Хайдеггер обозначает его как «образцовое сущее» [5, с. 7], которое является «при-мером», поскольку в своем существе «хранит истину бытия» и этим «вы-меряет» и «при-меряет» бытие как таковое [6, с. 439]. Dasein в этой связи есть присутствие истины в человеке, причем речь идет об осознаваемом присутствии истины или о присутствии истины в сознании. Dasein является идеальным образцом, примером и ориентиром, факт проявленности которого свидетельствует о целостности и истинности реализации личности. Dasein, таким образом, есть прямое указание на потенциальную истину, актуализировав которую, человек достигнет собственной подлинности, собственного естества.

Сущность того, что М. Хайдеггер обозначил в качестве Dasein, можно обнаружить в таких философских категориях, как дхарма (санскр.), жэнь (кит.), пайдейя (греч.), гуманус (лат.). Все

эти категории могут пониматься, с одной стороны, как обозначающие нечто неотъемлемое от человека, а, с другой стороны, как своеобразные смысловые синонимы понятию «культура». Онтологическое и тем более экзистенциальное рассмотрение этих философских категорий свидетельствует о своеобразной ретроспективе понимания «образцового сущего», или истины человеческого бытия. Если для древнеиндийской философии таковым являлась дхарма как поддерживающая человека опора, как личностный долг, для китайской философии таковым являлась жэнь как связующее небо и землю человеколюбие, для древнегреческой философии – пайдейя как воспитанность и образованность человека, для западноевропейской философии – гуманизм как признающая ценность другого человечность. Современные исследователи указывают на девальвацию личности, которая лежит в основе как деградации личностных ценностей, так и деградации личностного сознания. Сегодняшний человек ориентируется на так называемый «новый гуманизм» [3, с. 29], искаженный в свете уже упомянутых категорий дхарма, жэнь, пайдейя и гуманус, которые сущностно выражают истину человеческого бытия.

Итак, если понимание человеком истины человеческого бытия меняется, то этого нельзя сказать о самой истине человеческого бытия. Независимо от времени, места и обстоятельств культура была, есть и будет определять адекватность, соответствие человека той сущности, которая заложена в само понятие «человек». Если культура как социальный феномен тесно взаимосвязана с традицией, то культура как экзистенциальный феномен тесно связана с верой, являющейся своеобразным механизмом преемственности между человеком и истиной. Вера бытийно связывает наличного человека с истиной, что выражается М. Хайдеггером в категориальном аппарате его философии. Рассматриваемая через призму «Бытие и время» вера – это «бытие-раскрывающее, или раскрытие», а истина – это «бытие-раскрытое, или раскрытость» [5, с. 218–219]; рассматриваемая через призму статьи «Учение Платона об истине» вера – это образование и преобразование личности; рассматриваемая через призму статьи «О сущности истины» вера – это присутствие истины (не стоит исключать возможность перевода *sein* не только как «быть, бытие», но также как «есть, существует, присутствует»: *Dasein* – «тут-есть»).

В этой связи необходимо подчеркнуть, что хайдеггеровское учение о подлинном (собственном) и не-подлинном (несобственном) бытии Dasein в трактате «Бытие и время» указывает на веру как стремление к истине. Философ утверждает, что «поскольку присутствие есть по сути всегда своя возможность, это сущее может в своем бытии «выбрать» само себя, найти, может потерять себя, соотв. никогда и лишь "мнимо" найти» [5, с. 42]. У М. Хайдеггера Dasein должно обрести свою самость, пройдя путь индивидуализации от неопределенности «со-бытия» к определенности «бытия самостью» (Selbstsein) [4, с. 67]. Онтология веры, хотя и не обозначена М. Хайдеггером явно, выражается в самоидентификации «собственно» Dasein среди «несобственной», безличной и анонимной массы «людей» (das Man). Однако необходимо предупредить возможное неправильное толкование онтологии веры, понимаемой нами не только как стремление к истине, но и как экзистенциальный ответ истине. Механизмы веры в онтологическом аспекте устроены таким образом, что не допускают «мнимой» идентификации, рассматривая множество промежуточных состояний бытия личности на пути к собственной подлинности. Человек естественно стремится к истине бытия, но только к той истине, которая становится доступной посредством веры. Человек истинный, или личность – это бытие-в-истине, однако истина в этом случае остается «личностной» потому, что ее текстура обрисовывается человеческой индивидуальностью; здесь бытие уже не просто реальность вещей и идей, но реальность взаимоотношений. Последняя глубина – это настоящему раскрытие бытия изнутри; тогда мы не посторонние наблюдатели, старающиеся вырвать какие-то тайны и употребить их себе на пользу, мы сливаемся с тем, что есть в бытии потаенного и невыразимого. Таким образом, посредством веры происходит осуществление человека-в-истине как вовне, так и в глубине его внутреннего мира.

Понимая веру в указанном контексте и рассматривая ее в отношении с системой понятий фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, мы придаем ей теоретически-конкретный характер: вера как онтологический феномен представляет собой фундамент целостного бытия. Фундаментальное значение в данном случае имеет постановка вопроса о связи веры с ценностью и смыслом бытия человека. Переориентация философского инте-

реса с абстрактного абсолюта, Ничто на конкретного человека, акцентирование внимания на сознании личности, его предназначении – это наиболее существенный шаг по направлению к онтологии веры. Именно в таком аспекте мы допускаем использование категории веры.

Литература

1. Булгаков С. Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
2. Булгаков С. Н. Философия Имени / С. Н. Булгаков. – СПб. : Наука, 1998. – 448 с.
3. Крапивенский С. Э. Девальвация личности: причины и возможности коррекции / С. Э. Крапивенский, Э. Фельдман // Философия и общество. – 2004. – № 2. – С. 24–47.
4. Ставцев С. Н. Введение в философию Хайдеггера / С. Н. Ставцев. – СПб. : Лань, 2000. – 192 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – СПб. : Наука, 2006. – 452 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2007. – 621 с.
7. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник / М. Хайдеггер; пер. с нем. под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высш. шк., 1991. – 192 с.

ПАВЛОВСКАЯ А. В.

ВСЕ НОВОЕ – ЭТО ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Современному обществу требуются образованные люди, не столько вооруженные знаниями, сколько умеющие их добывать, приобретать их по мере возникновения потребности при решении проблем, применять знания в любой ситуации.

Все новое – хорошо забытое старое. Эта известная формула давно принимается за аксиому и никем не оспаривается. Очередное подтверждение тому – интерес к проектной деятельности и востребованность этой технологии в современной школе. В каждом учреждении складывается свое отношение к той ли иной образовательной технологии, находятся различные способы внедрения ее элементов.

Современная ситуация, сложившаяся в системе образования, побуждает руководителей образовательного учреждения искать новые формы и методы обучения и воспитания, разрабатывать собственную стратегию развития школы, отбирать необходимые